

ПЕСНИ ЗВОНКИЕ СЛАГАЮ...

(К столетию со дня рождения М. И. Михеевой)

ИЗВЕСТНАЯ карельская сказительница Мария Ивановна Михеева родилась в апреле 1884 года в деревне Алаярви Калевальского района. По преданию, рассказанному бабушкой М. И. Михеевой, на месте деревни Алаярви стояло поселение, основанное тремя братьями-лопарями — Чалли, Патрикка, Иева. Было это так давно, что братья еще каменными топорами лодки мастерили.

Родилась в глухой деревне,
В северном краю карельском.
Мне места родные милы,
Дороги леса родные.
Нет родимых вод прекрасней,
Рыбных мест богаче нету.
Воды катятся сквозь чаши,
Волнами звенят озера.

(Перевод Олега Мишина)

Собиратели фольклора отмечали, что сказительница была грамотна. Но как непросто было в те годы получить даже азы грамоты! Девочке очень хотелось учиться, и двенадцати лет ее отправили в школу в Ухту (так тогда называлась Калевала). Успела окончить только первый класс, как в семью пришло горе — умерла мать. Тринадцатилетняя Мария была старшей из пятерых детей, оставшихся сиротами. На длинном и трудном жизненном пути знания, приобретенные за одну школьную зиму, забылись, и когда началось обучение взрослых, Мария Ивановна, сама уже бабушка, записалась в ликбез и за несколько месяцев вновь научилась читать и писать.

Как носительница знаний устной народной поэзии Мария Ивановна усвоила, продолжила и развила семейную традицию. В семье все рассказывали сказки, знали и любили эпические песни (руны). Отец Иван Васильевич Корккиев был уроженцем деревни Вой-

ница, родины знаменитых рунопевцев Малиненок и Вассила Киэлевейянена. Запомнились и рассказы матери — Варвары Петровны, услышанные в раннем детстве: «Мама рассказывала нам о красивом золотом сверчке, чудесном силаче по имени Ольховая Чурка и многих других удивительных вещах». После смерти матери о детях заботилась бабушка — Окку Иевлева, тоже прекрасный знаток народного творчества.

Позже, когда Мария Ивановна будет уже замужем, войдет в ее жизнь эпос «Калевала», который станет самой читаемой книгой в семье. Так в поэтическом творчестве М. И. Михеевой слились два начала — живая древняя народная традиция и знание книжной «Калевалы». В лиро-эпической песне о девушке, потерявшей украшения, Михеева сохраняет народный вариант имени девушки Анни, Аннисени (в «Калевале» Леннрот назвал ее Айно), только в ее песне Анни тонет. Сюжетное решение сказительница заимствовала из «Калевалы».

От М. И. Михеевой записаны эпические песни о похищении и освобождении солнца, путешествии Вийнемейнена в чрево умершего мудреца Випунена, охоте на лося Хийси, о Лемминкяйнене на пиру в Пяйвёле и другие. Эти тексты опубликованы В. Я. Евсеевым в научных сборниках «Карельские эпические песни» (М. — Л., 1950) и «Карельские руны» (Таллин, 1976, т. I; Таллин, 1980, т. II).

Известно, что в «Калевале» наряду с материалами эпических и лирических песен Э. Леннрот использовал заговоры.

Заговоры — один из древнейших фольклорных жанров. С помощью заговоров наши предки пытались «приручить» мир, бороться с его отрицательными силами и влияниями, объяснить основы мироздания. В заговорах,

по словам А. М. Горького, выражалось «стремление древних рабочих людей облегчить свой труд, усилить его продуктивность, вооружиться против четвероногих и двуногих врагов, а также силою слова, приемом «заговоров», «заклинаний» повлиять на стихийные, враждебные людям явления природы».

В далеком прошлом у многих народов, в том числе и у карелов, медведь был одним из самых почитаемых диких животных. В карельских заговорах к нему обращались почитательно, ласково, его нельзя было называть медведем, а только иносказательно: медово-лапый, лесной красавец... Существовала целая система табу. Охота на медведя обставлялась торжественно и достаточно таинственно. Постепенно заговоры утратили свои магические функции, но по-прежнему сохраняются их эстетическая ценность, высокое искусство наших предков, дошедшее до нас из глубины веков. Усвоила поэзию заклинаний и М. И. Михеева. Во фрагменте заговора, записанного от нее, охотник, отправляясь в лес, извиняется перед хозяйкой леса, просит у нее прощения:

Золотая дева леса,
Леса славная хозяйка,
Ты, супруга Тапиолы,
Поразмыслил я неважно,
Не по-доброму подумал,
Чистый лес, меня прости,
С золотым своим отцом,
С матушкой золотой,
С золотой своей семьей.
Все хорошее верни мне,
Все плохое забирай.

(Перевод Олега Мишина)

Самым маленьким своим слушателям, внукам, Мария Ивановна пела детские песни традиционным «калевальским стихом»:

Спи, усни, лужайки птишка,
Смолкни, смолкни, трясогузка,
Сделай гнездышко на поле,
На ветвях березы домик,
Хижинку на можжевеле.

(Перевод Олега Мишина)

В поэтическом репертуаре М. И. Михеевой были также ёйги — один из древнейших музыкально-поэтических жанров народной лирики. В значительной степени ёйги являются импровизацией, но импровизация эта в рамках определенной, веками сложившейся фольклорной традиции.*

По стилистическим особенностям и языку ёйги напоминают карельские причитания, в них те же принципы иносказания, система метафорических замен. Но в отличие от причитаний по содержанию ёйги сатирические. Они имеют своеобразный напев с повторяющимся раздолбным рефреном, особенно далеко разнесшимся при исполнении на воде. Ёйги бытовали не по всей Карелии, а только на севере по берегам Пяозера, Топозера, Верхнего и Среднего Куйто. По названию и рефрену карельские ёйги можно сопоставить с саамскими, но в целом, считают исследователи, в них больше различий, чем сходства. Некоторые исполнители, в том чи-

сле и Михеева, используют в ёйгах мотивы карельских эпических песен:

В чащобе медведицу взяли,
Ох-ха!*

В дедях хозяйку лесную,
Хозяйку воды из пучины,
С веточки хвойной орлицу,
С запавшими взяли глазами,
С носом большим, словно лемех.
Она никому не по нраву
И жениху не по сердцу.

(Перевод Олега Мишина)

Карельская народная мудрость гласит: «Хвали другим их земли, а себе свою». Мария Ивановна всю жизнь оставалась верной родным местам, своей земле, точнее — своей воде.

Рыболовство исстари было одним из основных занятий карелов, но в жизни Михеевой рыбная ловля занимала особое место. Замуж она вышла восемнадцати лет за своего односельчанина Матвея Михеева, хорошего работника. Но муж рано умер, оставив жену с пятью детьми. Трудно приходилось вдове. Ловля рыбы стала основным ее занятием. Недаром односельчане называли ее «рыбачкой Михеевой».

После войны семья жила в районном центре — поселке Калевала, но каждую весну Мария Ивановна отправлялась в родное Алаярви, где рыбачила все лето и осень. Здесь в маленькой избушке ее навещали писатели, журналисты — все, кто хотел послушать народную поэтессу.

В послевоенные годы Михеева стала выдающейся сказительницей. В ее репертуаре — сказки о животных, волшебные и бытовые. Те, кому довелось услышать М. И. Михееву, вспоминают, что рассказывала она интересно, увлеченно, голосом, мимикой передавала речь, характер сказочных персонажей. Как настоящий мастер, она сохраняла традиции народной поэтики, выработанные веками: стихотворные вставки, выразительные концовки. В то время с ней часто встречались фольклористы старшего поколения — Э. М. Гран, В. Я. Евсеев, П. Я. Куйка, У. С. Конкка, Э. С. Тимонен.

Сказка — жанр международный, многие сюжеты получили широкое распространение у народов мира. В «историях» Михеевой проявляется национальная специфика, карельский колорит, отражается местный быт, то, что было близко и понятно сказочнице.

В широко известном разном народам сюжете «Лиса крадет рыбу с воза» подробно передается типично карельская картина ловли рыбы зимой.

«Ставит старик крюки в озеро и мережи на эти крюки. Идет на другой день смотреть. Пришел, прорубил лед, поднимает мережу — мережа полная налимов. У него ахкиво (специальные санки в форме лодки с усеченной кормой — Н. Л.), куда положить рыбу. Опустил мережу обратно в озеро и потащил домой ахкиво с налимами, идет на лыжах».

Увидев на дороге лису, обрадованный старик вспоминает карельских святых: Петри — покровителя рыбаков и Мийккула — покровителя охотников. «Смотри-ка, святой Петри дал рыбы да теперь святой Мийккула — лису. Старик бросает лису в ахкиво на налимов».

* А. С. Степанова, Т. А. Коски. Карельские ёйги. В кн.: Музыкальное наследие финно-угорских народов. Сост. и редактор И. Рюйтель, Таллин, 1977.

* Рефрен повторяется после каждой строки.

Интересна в интерпретации М. И. Михеевой сказка «Белка, рукавица да игла». Сказка редкая. Район ее распространения ограничен Калевалой, из других мест записей нет. В данном варианте функции младшего брата — по народным представлениям, самого умного, расторопного, трудолюбивого — выполняет игла.

«Было раньше три брата: белка, рукавица, игла.* Отправляются они на охоту. Пришли на перекресток трех дорог. Белка (из них старшая) говорит:

— Каждая пойдет по своей дороге. Кто

найдет добычу, должен кричать.

Игла и находил по пути смолистый пень.

Игла кричит:

Лети, лети, рукавичка,
белочка, спеши:
иглочка находку нашла,
большую добычу раздобыла!»

Старшие братья ругают ее за такую находку. Затем игла нашла ламбу, поймала оленя, сшила из бересты котел, угостила своих старших братьев рукавичку и белку мясом.

Иногда рассказчица включает в сказочный текст свои иронические комментарии:

«Старуха говорит: «Зарежь, старик, быка, раз такой злой (в третий раз — всегда ведь надо три раза, что ни плети)». «Парень ехал целый день до вечера. Возле дороги стоит железный дом. Заходит в дом. Там огромная старуха, языком хлеба в печь сажает. (Побольше нас с тобой старуха-то!)» Заканчивается повествование, как и предполагается сказке, победой добра: «И потом он (старик — Н. Л.) построил себе большой дом, как царский дворец... И в нем живут со старухой и поныне, если не умерли». «Царев сын получил дом и государство, Марию — прекрасную девушку да еще сына и лошадь. В доме остался еще верный Юсси, и так живут они по сей день, если не умерли».

Сказки Михеевой получили признание специалистов. Многие из них вошли в научный сборник, подготовленный У. С. Конкка**. Тексты в нем представлены на языке оригинала с переводом на русский язык. Сборник избранных текстов на финском языке опубликован Э. С. Тимонен в Петрозаводске (1951).

* В карельском языке нет грамматического рода.

** Карельские народные сказки. М.—Л. Изд-во АН СССР, 1963.

Сохраняя в памяти традиционный фольклор, перенятый от предков, М. И. Михеева сочиняла и собственные песни:

Не дано мне птицей взвиться,
Не могу я ветром мчаться,
Чтобы всем поведать чувства,
Рассказать про радость нашу.
Песнь зато смогу сложить я,
Сотворить сумею руну,
Что доставит весть повсюду
Из Карелии далекой,
Края вещей Калевалы.

На глазах сказительницы преображалась жизнь, менялся мир. В пору ее детства еще жили в курных избах, для освещения пользовались лучиной, керосиновые лампы в карельских деревнях были редкостью. А на склоне семидесятилетия поэтесса узнала, что «в небеса Луна поднялась, не простая, а из стали... с золотыми письменами да серебряной отделкой». Вслед за спутником — полет человека в космос. М. И. Михеева посвящает руну Юрию Гагарину.

Пойте руны, рунопевцы,
О великом чуде века,
Средь иных чудес славнейшем,
О полете в неизвестность,
О крылатом сыне неба,
О Гагарине отважном...

(Перевод Д. Левоневского)

Творчество М. И. Михеевой получило всеобщее признание. Ее приглашали на научные конференции, в 1949 году сказительница принимала участие в праздновании 100-летнего юбилея полного издания «Калевалы». В 1951 году побывала на декаде карельского искусства в Москве. Ее произведения публиковались в республиканской периодической печати, лучшие песни-новины вошли в коллективный сборник карельских сказителей «Песнь о новом Сампо» (под ред. Я. Ругоева, 1959 г.). Сборник ее сказок издан в Таллине.

В 1952 году М. И. Михеева была принята в члены Союза писателей СССР, она дважды награждалась Почетными грамотами Президиума Верховного Совета нашей республики.

Умерла М. И. Михеева в мае 1969 года на 86-м году жизни. О ней помнят, ее именем названа улица в поселке Калевала. Лучшей данью памяти народной сказительницы явилось бы издание книги, которая вобрала бы все лучшее из ее многогранного творчества.

Н. ЛАВОНЕН

Мария МИХЕЕВА

ВЯЙНЯМЁЙНИ В ЧРЕВЕ ВИПУНЕНА

Старый верный Вяйнямёйни,
пририцатель вековечный,
заклинаний шел набрать,
новых песен накопить.
Випуни ушел навеки,
Антерво унес и песни,

погрузился в гору Туони,
в вечные потоки Маны.
С белкой ель — на лбу у старца,
на плечах — сосна большая.
Оступился Вяйнямёйни,
повалился в реку Маны.
Антерво тут рот разинул,
Вяйнё утащил в утробу,

В чрево утянул певца.
Тут уж старый Вяйнямёйни
так подумал, так размыслил:
«Как же я сюда попал,
в глотку мертвого героя,
к белотелому в живот?»
Принялся он лодку делать,
стал постукивать по камню.
Кузницу сперва устроил,
на колене — наковальню,
молотками — кулаки.
На колене гнул железо,
поколачивал локтями.
Вот и вытесана лодка,
у нее борта из ели.
Он на ней поплыл по жилам,
заскользил по позвоночкам.
День он плыл и плыл другой,
наконец уже на третий
он из жил наружу выплыл,
выбрался из той утробы.
«Как же долго пропадал я,
долго был в местах холодных,
в легких был у неживого,
у покойного в печенке».
Старый верный Вяйнямёйни
вымолвил такое слово:
«Поплыву по водным далям,
заскольжу по длинной речке».

ВЯЙНЯМЁЙНИ ОСВОБОЖДАЕТ СОЛНЦЕ

Закатилось солнце Похьи,
с холмика скатился месяц.
Старый верный Вяйнямёйни,
прорицатель вековечный,
так размыслил, так подумал:
«Ну куда же солнце скрылось?
Укатился с неба месяц?
Отыскать бы надо солнце,
месяц надо бы найти.
Видно, Похьёлы хозяйка,
видно, баба Сарииолы
скрыла солнце, чтоб не грело,
месяц, чтобы не сиял.
Темнота спустилась в Похью,
быть без месяца ужасно.
Надо бы пойти за Сампо,
отобрать его у Ахти».
Старый верный Вяйнямёйни
Сампо добывать пошел,
отбирать его у Ахти.
Вот плывет он синим морем
в край далекий Похьи темной,
едет к Похьёлы хозяйке,
к старой бабе Сарииолы.
Погрузил он Сампо в лодку,
над собою поднял парус.
Плыл он день и плыл другой,
наконец уже на третий
догнала хозяйка Похьи,
налетела баба Сари,
Вяйнё старого настигла,
крепко Сампо ухватила.
Тут уж старый Вяйнямёйни
поднял из воды правило,
Сампо искрошил на части,
крышку пеструю разбил.

Из самой середики Сампо,
Из-под крышки расписной
вышло солнце, чтоб сиять,
вышел месяц, чтоб сверкать.

ЛЕММИНКЯЙНИ ИДЕТ НА ПИР В ПЯЙВЁЛУ

Лемминкяйни, быстрый парень,
вымолвил слова такие:
«Ой ты, матушка родная,
ты, родительница с неба,
в Пяйвёлу на пир пойду я,
на большое угощенье.
Ты, дарительница жизни,
положи в мешок припасы,
ты насыпь муки в холщовый.
На войну иду большую,
на великое сраженье».
«Ой ты, быстрый Лемминкяйни,
на войну не отправляйся,
на побоище большое.
Много ждет смертей различных
Лемминкяйни там, в дороге!»
«Нет там смерти для героя,
нет гибели для мужа.
Для детей такие смерти —
не для мужа с бороною!»
Мать его остерегает,
говорит она сыночку:
«Первую я знаю гибель.
Как пройдешь пути немного,
как ты прошагаешь малость,
огненный порог увидишь,
камень в огненном пороге,
огненная там берега,
огненный орел на ветке.
У него язык в шесть копий,
крылья в семь огромных лодок,
зубы птицы из железа,
когти у орла из стали.
По ночам он точит зубы,
днем оттачивает когти
Лемминкяйни на гибель!»
«Эта гибель не для мужа,
для героя с бороною.
Ты, дарительница жизни,
огненный подай клинок мне,
дай оружие мне стальное,
то, что мой отец носил,
на войну идя большую
в землю Похьёлы суровой,
в землю вещей Тапиолы,
в край, глотающий героев,
пожирающий мужей».
Мать приносит меч железный,
огненный клинок приносит,
чтобы им тряхнуть березу,
дерево свалить большое,
чтоб орел в порог низвергся,
голову разбил бы ястреб,
уступил дорогу мужу,
пропустил его в сраженье.
Жеребца запряг получше,
зануздав коня уздой,
на боку свой меч повесил,
на бедре клинок устроил,
чтоб орла убить большого,
чтоб с пути убрать преграду.